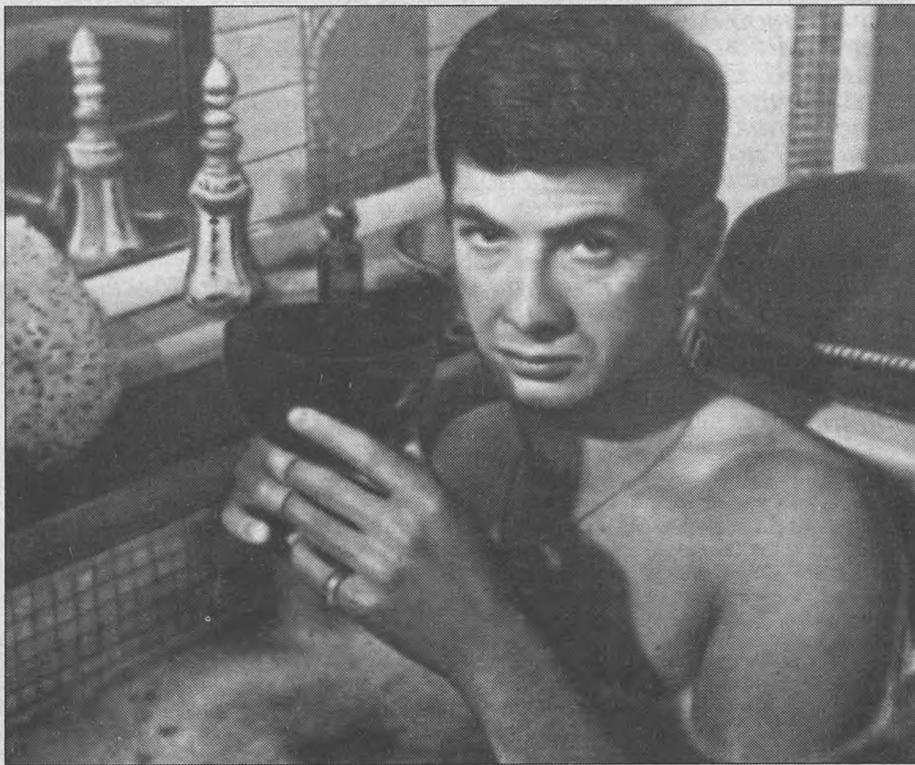

Ностальгия Жан-Клода Бриали

Мишель БАЙЕН

Мемуары 67-летнего Жан-Клода Бриали с издательским названием "Обезьяний источник" имеют феноменальный успех во Франции. За первый месяц разошлось 270 тысяч экземпляров, хотя обычно тиражи книг о кино не превышают 10 тысяч. Причина проста: книга написана занимательно, без претензий, в ней содержится масса забавнейших анекдотов из жизни знаменитостей, а ироничный взгляд автора на околкиношную шумиху не может затушевать его неподдельной любви к кино.

— Вас удивил успех вашей книги?

— Пожалуй, не сам успех, а его масштабы! Я спрашивал у своих друзей, разбирающихся в издательском и книготорговом деле, на что мне стоит рассчитывать. Все в один голос говорили, что если я смогу продать 10-15 тысяч экземпляров, будет очень хорошо, а уж если тираж перевалит за 20 тысяч — это будет большим успехом. Поэтому я до сих пор не могу прийти в себя.

— Вас многие поздравляют с успехом?

— Да, и это трогательнее всего. Приходит много писем от незнакомых людей, от друзей, коллег. Мне написали Жан Рошфор, Жан-Пьер Мариэль, Жанна Моро, которая почему-то сделала вид, что шокирована моей книгой (*Смех*). Удивительнее всего, что люди приветствуют меня на улицах, шоферы такси машут мне, когда видят меня за рулем.

— Чем вы объясняете такой огромный успех?

— Не знаю. Хотелось бы верить, что главная причина — моя популярность (*Смех*). Я снялся во множестве фильмов — хотя далеко не все они были шедеврами. Публика любит меня за мои околкиношные дела. Я умею смешить людей, развлекать их. У меня также хорошая репутация: я умею дружить, у меня были прекрасные отношения со многими знаменитостями: Арлетти, Роми Шнайдер, Жозефиной Бейкер. Думаю, это нельзя сбрасывать со счетов. Но, конечно, главное то, что люди любят истории про знаменитостей. Интересно узнать что-то о человеке, который заставляет вас мечтать.

— Как вы писали книгу? Вы вели дневник или делали заметки?

— Я никогда не вел дневник, никогда не делал заметок, но у меня очень хорошая память. Единственный ляпсус в книге — я написал, что Превьер был похоронен в Бретани, а на самом деле — в Нормандии. А все эти истории сами собой накопились — я рассказывал их бесчисленное количество раз, потому что очень люблю рассказывать.

— Когда вы начали писать книгу?

— Теоретически — очень давно. Но мне потребовалось целых семь лет, чтобы заставить себя заняться этим вплотную. Помню,

еще Франсуа Трюффо меня пилит: "Ты должен записать все, что нам рассказываешь..." Я помню, как пришел повидаться с ним в последний раз за восемь дней до его смерти. Он был очень болен, не вставал с постели и все время смотрел фильмы 60-х годов, чтобы вспомнить времена молодости и счастья. Я был потрясен тем, как он изменился из-за болезни и лекарств. Мы поговорили о каких-то пустяках, и вдруг он сказал: "Ну, ты начал писать свою книгу? Учти — я должен успеть написать к ней предисловие!" И он попросил еще раз рассказать мне историю про Ивонну Прентам.

— Какую историю?

— После смерти Пьера Фресне она мне сказала: "Есть же счастливые женщины, которые могут плакать! Я могу только негодовать". Это одна из самых прекрасных реплик в отрицание смерти. Мне до сих пор волнительно вспоминать, что Франсуа попросил меня напоследок рассказать именно эту историю.

— Ваша книга производит впечатление устного рассказа. Вы намеренно придерживались такого стиля?

— Да — в том смысле, что иначе я просто не умею. Я много раз начинал писать ее в одиночестве, но дело не клеилось. Я перечитывал написанное, и меня тошнило от моих текстов. Я говорил себе: "Ну кому это сейчас интересно? Кого волнует Мари Белль, которая умерла 15 лет назад?" Я бросил свою писанину, но люди продолжали меня уговаривать писать дальше. И пришел день, когда я понял, что должен рассказать свою книгу, а не написать ее. Я пригласил двух приятелей с диктофоном, и каждый день я по часу рассказывал им свои истории, а они задавали вопросы. Потом секретарша напечатала то, что полу-

чилось. Потом я правил и сокращал. Через некоторое время я решил повторить эксперимент с другим приятелем. Мы снова записали мои рассказы на пленку, отдали перепечатать, я сверил новый текст со старым, что-то поправил, переписал, уточнил. Наконец, я отдал готовый текст Бернару Фиксо из издательства Robert Laffont. Он изъял из текста около 400 страниц — с моего согласия, разумеется. Конечно, читателю было бы страшно покупать книгу объемом 900 страниц.

— Вы не собираетесь сегодня издать эти 400 страниц в качестве продолжения?

— Нет, эти страницы сами по себе не несут какой-то ценности. В основном это истории о менее известных широкой публике людях. Я не буду писать продолжения, потому что все главное уже написал. Конечно, я лгнул себя надеждой, что буду жить еще долго, но вряд ли мне удастся нынче вести столь же экстравагантную жизнь, как в молодости. И к тому же мне не хотелось бы производить впечатление человека, который хочет нажиться на успехе. Впрочем, не исключено, что я поставлю спектакль одного актера по мотивам этих историй и поеду гастролировать с ним по стране. Как сделал в Лондоне Питер Устинов. Я мог бы закончить этот спектакль замечательным советом, который дал актерам Саша Гитри: "Оставайся влюбленным в свое ремесло — оно самое прекрасное в мире". Возможно, я когда-нибудь начну вести дневник, который опубликуют после моей смерти, и расскажу в нем истории про себя. Конечно, это не будет сведением счетов, но я намереваюсь проявить в дневнике больше сарказма, чем в "Обезьяньем источнике".

— Вас нельзя обвинить в излишнем сарказме, но зато можно обвинить в излишней скрытности. Вы пишете о других — но мы почти ничего не знаем о вас самом.

— Мой редактор тоже меня в этом упрекнул. И еще он очень настаивал, чтобы я написал о своем гомосексуализме. Он думал, что я этого стесняюсь. Надеюсь, это интервью убедит его, что я не стыжусь своей ориентации, просто не хочу писать о своей личной жизни. Но зато я посвятил свою книгу Мишелю, с которым прожил 23 года, и Бруно, с которым живу сейчас. Но я никогда не был активистом и борцом за права меньшинств, я всегда считал, что нужно просто жить и быть порядочным человеком. Конечно, я мог бы рассказать о моем романе с Нуреевым, поскольку он был одной из самых интересных личностей прошлого века. Но если бы я рассказал о нем, тогда почему бы не рассказать о ком-то еще? Я мог бы также рассказать об Аве Гарднер и о моих многочисленных приключениях с женщинами. Но мне не хотелось выпускать книгу пикантных анекдотов. Мне хотелось рассказать, как это интересно, когда в 20 лет встречаешься с такими личностями, как Альбер Камю, Марсель Эме, Борис Виан, Превьер, Кокто. Что касается моей персоны, у меня не было желания ни хвастаться своими победами, ни жаловаться на несправедливость судьбы.

— В одном из недавних интервью вы сказали, что хотели бы иметь внешность Брандо и дух Гитри. А чью карьеру?

— Вне всякого сомнения, Мastroянини. Потому что, во-первых, он был пленительной личностью. Он был моим другом и воплощал все, что мне нравится в человеке: он был красив, добр, щедр, забавен, ироничен, он умел любить — он влюблял-

ся в женщин, как сумасшедший! — он был совершенно свободен внутренне, он был необычайно прост в общении, умел смеяться над собой, своей работой. Рядом с ним было весело. Он был обольстительным мужчиной, я это знаю. В фильме "Ночь Варенн" он два раза целовал меня в губы! (*Смех*). А какой талант! Только такой человек мог вдохновлять Феллини. Марчелло сделал образцовую карьеру. Почти все фильмы — шедевры. Конечно, такой человек, как он, не выбирал свои фильмы — это они выбирали его. Актеру труднее всего стать желанным. Я бы очень хотел сниматься у Феллини, но не сложилось. Мы с Бельмондо должны были играть двух папарацци в "Сладкой жизни", но перед началом съемок эти роли вычеркнули из сценария. Мне не удалось поработать с Жаном Ренуаром, с Жаком Беккером. Не состоялся фильм про торговцев оружием, где я сыграл бы с Орсоном Уэллсом — все было готово, но его так и не сняли. Я должен был сниматься в фильме Висконти "Пруст" — но Висконти не успел его поставить. Я страшно жалею об этих несостоявшихся встречах, потому что они могли бы придать иное измерение моей карьере. Я не считаю свою карьеру удачной. Арлетти снялась всего в 60 фильмах, но 40 из них — шедевры. Я сыграл в 185, но из них всего 15 можно назвать интересными. Я предпочел бы обратное соотношение. Но я не считаю, что моя карьера завершена. Я был счастлив, когда Шеро пригласил меня в "Королеву Марго", я был в восторге, когда Блие вписал меня в "Актеров", это просто чудо. Бессон говорит, что когда-нибудь даст мне роль.

— Из тех великих людей, с кем вам встретиться не удалось, — с кем бы вы хотели встретиться больше всего?

— С Саша Гитри, конечно. Из-за его духа, его таланта, его стиля жизни. И с Мэрилин Монро. Конечно, я бы влюбился в нее без памяти. В ней было что-то инфантильное и невероятно трогательное. У нее было лицо маленькой несчастной девочки. Даже когда она улыбалась, ее глаза оставались грустными. Она была несчастным ребенком, несчастной женщиной, несчастной актрисой — но сколько в ней было легкости и воздушности! Она пробуждала фантазию. Сегодня я редко бываю в Голливуде, но каждый раз, когда я туда еду, обязательно прихожу к могиле Мэрилин — у нее маленькая плита в стене — и кладу цветы.

— Чего вы больше всего боитесь?

— Смерти, чего еще? Потому что это конец всего. Потому что это гниение, распад, небытие. И потому что, как говорит Пьер Лазаревф, патрон France Soir: "Как же нам всем там будет скучно!" Там нельзя будет говорить, играть, любить — ведь у ангелов нет пола. Вы можете представить себе, как мне там будет скучно? (*Смех*).